

Наталья А. ГРОЗНОВА, доктор филологических наук
(Россия)

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ: ГРАНИ ЛЕОНОВСКОЙ МЕТАФИЗИКИ

Сегодня нельзя пытаться понимать своеобразие художественного мира Л. Леонова - без работ Милосава Бабовича.

Имя Милосава Бабовича, блистательного филолога, занимает особое место в ряду современных славистов. *Яркая темпераментная мысль, независимость суждений, глубокое постижение всечеловеческих духовных ценностей и одновременно поразительная способность улавливать особенности славянской, русской души - эти качества М. Бабовича выдвинули его еще в 60-е годы в число крупнейших ученых XX в.* Работы М. Бабовича о русской литературе, о Достоевском, о Леонове, о Шолохове, и других писателях - явление незаурядное в истории литературоведения. Каких бы противоречивых сторон русской жизни и трудных поворотов русской литературы ни касался исследователь, его суждения всегда спокойны, убедительны, горделивы. Никогда не приходилось наталкиваться на жестокую ли, на жалкую ли конъюнктуру.

Я хорошо знаю, с каким почтением, с каким душевным, расположением всегда ждал встреч с М. Бабовичем - один из самых больших художников нашего времени Леонид Леонов. К работам М. Бабовича он относился с взволнованным интересом, ценил их особенно высоко.

Три десятилетия тому назад, когда в Белграде было осуществлено двенадцатитомное собрание сочинений Л. Леонова, всем, кто занимался изучением творчества этого писателя, стало ясно, что *М. Бабович рискнул науке о творчестве Л. Леонова придать во многом новое содержание. Особенно важны были предложенные тогда интерпретации романа "Вор"* /мне довелось писать об этой замечательной работе М. Бабовича в академическом журнале "Русская литература" в 1968 году/. Теперь, когда творческий путь Леонида

Леонова предстал завершенным /писатель скончался в 1994 году/, еще более важными выглядят наблюдения М. Бабовича о традиции Достоевского у Леонова, о таких доминантах леоновского восприятия мира, как относительность сущего и универсальная конфликтность, об антропологическом феномене, об алогичности во внешнем поведении персонажей и мн. др. Здесь были угаданы многие из тех особенностей художественного мира Леонова, которые и высветили впоследствии глобальное космическое видение вселенской жизни и человека в ней - в посмертном романе художника "Пирамида" /1994.

Сегодня работы М. Бабовича о Л. Леонову надо читать заново, так как они помогают искать новые подходы к творчеству автора "Вора", помогают разгадывать тайны леоновского художественного мира.

Это тем более важно, что никогда еще, наверно, та русская литература, которая была рождена в своем отечестве после 1917 года, не представляла собою столь неизведанного материка, каким она предстает перед соотечественниками сегодня. Даже русское литературное зарубежье, так долго и жесточайшим образом скрываемое от советского читателя, - и оно сравнительно быстро предстало в нынешней России во всем своем разнообразии и, что особенно важно, сумело быстро и безоговорочно породниться со своим настоящим Отечеством. То же самое можно сказать и о литературе так называемой "внутренней эмиграции".

Но вот "советская литература" ... Даже если не принимать в расчет той хулы, которая все продолжает и продолжает осквернять чуть ли не каждое из тех литературных явлений, которым удалось выжить в эпоху идеологического насилия, - даже если не ставить советскую литературу в зависимость от подобных поруганий, а считать сложившуюся за эти десятилетия литературную жизнь явлением не иначе как уникальным / может быть, потому и уникальным, что сформировалась эта литература в условиях жесточайших, невиданных противоречий/, то и в этом случае положительная, так сказать, аура не меняет сути дела: литература советского периода остается сегодня во многом закрытой. Мы не можем пока - с позиций высветлившихся на современном этапе исторических, философских истин - прочесть ее подлинное содержание. Нужны новые подходы, необходимо осваивать новые эстетические, мировоззренческие "технологии" в освоении литературного материала советской эпохи.

Такова нынешняя историко-литературная ситуация.

К творчеству Леонида Леонова она имеет самое непосредственное отношение.

Теперь, когда нам стал известен роман "Пирамида" /писатель создавал его на протяжении чуть ли не полувека и считал самой главной своей книгой/. многие тайны и тайники леоновского

художественного мира обозначились особенно ярко. Но как найти пути к этим тайникам?

Романом "Пирамида" Леонов возвел как бы купол над всеми теми реалиями своего художественного мира, которые он творил, которые вызывал из исторического, из вселенского бытия и небытия на протяжении восьми десятилетий. Творчество Леонова открывается ныне таким, что сможет, видимо, выдержать немалые философские нагрузки XX в. Это книга большой глубины и большого значения.

Чтобы попытаться затронуть разговор о метафизической парадигме леоновского художественного мира, не будем касаться тех многих спорных проблем, которые окружают понятие "метафизического". Как не будем вспоминать, например, и тех сердитых ниспровержений "метафизики", которые обрушил на нее в 1926 году крупнейший мыслитель XX в. А. Ф. Лосев. Противопоставляя "метафизике" "диалектику", А. Лосев оставлял на долю метафизики натуралистическое /как он это называл/ объяснение мира, а на долю диалектики - объяснение смысловое. /А. Лосев. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 615-616/.

В понятии "метафизическое" будем иметь в виду бытийный смысл, онтологический. В связи с этим попробуем уяснить хотя бы некоторые из представлений Леонова-художника о материи жизни, - и это даст возможность лучше понять творимую писателем материю его художественного мира.

Как показывает XX в., представления о материи, о глубинах мира постоянно подвергались со стороны "умнеющего" человечества разного рода жесточайшим искажениям.

И, может быть, только литература, искусство бесстрашно прикасалось к этой бездне, к этим глубинам бытия. Опыт таких прикосновений, запечатленный Леоновым, предстает особенно значительным. Этими постижениями материи пронизана вся ткань его письма, все его мыслительные, его художественные построения.

Усилиями ряда литературоведов /А. Лысов и др./ изучены принципиально важные культурулогические пласты леоновских произведений. Что же касается представлений писателя о картине мира, о мироздании, о месте человека во Вселенной, - то эти вопросы ждут еще своего освещения.

В моих встречах с Леонидом Леоновым, которые продолжались на протяжении четверти века, - мотивы бытия, вопросы об устройстве мира возникали в размышлениях писателя постоянно, в последние годы они стали настоячивыми, неотступными.

В 1985 году /28 апреля/ мне довелось услышать от Л. Леонова: "Мучит идея: как устроена Вселенная?... Хочу понять истинную структуру вещей... Найти кварки бытия" / кварки - элементарные частицы материи, участвующие в сильных взаимодействиях/.

Маршруты метафизических размышлений у Леонова не носят inferнального, мистического характера. Они покоятся на глубоких естественнонаучных идеях, на самостоятельных познаниях писателя в области физики мира. Недаром Леонов является известным ботаником, недаром его космогонические идеи, сопровождающиеся точными физическими формулами, приковывают к себе внимание крупных ученых-физиков/Б. Раушенбах, В. Болховитинов и др./, В инструментарий художественного мышления писателя на равных правах с поэтической стихией входит наука о макро- и микромирах. "Вероятнее всего, - имел право произнести Леонов уже как ученый, - законы физики непостоянны. Макромир живет, дышит." /22 мая 1975 года/.

Значение тревожного влечения Леонова к философским проблемам такого масштаба можно оценить лишь в сопоставлении с тем, каких успехов в этой области удастся достичь современной профессиональной философской мысли. По философским работам последних лет видно, что вопросы о происхождении земной жизни, о подвижных и стабильных структурах Вселенной, о роли живого вещества в формировании мироздания, о коэволюции Природы и Общества, о планетарном обмене веществ, об убывающих возможностях планеты и многое другое - все это насыщено сегодня особенно напряженным размышлением ученых.

Творческие искания Леонова удивительным образом перекликались с современной философской мыслью. Философы утверждают, что "высокая метафизика", если к ней суждено приобщиться художнику, делает его способным "проникать за поверхность явлений"; "духовное зрение такого творца обращено к "невидимому человеку", интерес к "человеку внешнему" живет в его творческом сознании лишь постольку, поскольку в нем "отражаются реалии скрытого, тайного, трансцендентного человека". Само искусство такого художника "становится формой метафизики", видимая жизнь для него является "символом или аналогом... высших реалий, ... видением Бездны" /Ю. Мамлеев. Судьба бытия/. /Вопросы философии, 1993, № II/.

Мне не раз в 70-80 е годы доводилось слышать от Леонова его собственные размышления на этот счет - чаще всего в связи с Достоевским: "Достоевский писал невидимыми красками, его герои иррациональны. Можно ли допустить, чтобы Ставрогин женился на хромоножке?! Она же плохо пахнет... а бельё...! /передергивался при этом Леонов и продолжал: "Если бы он остался с ней наедине, он бы исхлестал ее... Женитьба эта равносильна повелению: Ставрогин! Встань на колени! Достоевский пользовался здесь не реальной краской, ему надо было выявить духовную оболочку Ставрогина, отыскать в нем ту силу, которая бы противодействовала всему этому. Он искал иррациональный план мышления Ставрогина, его потенциальное мышление. Он рисовал его безумие, в которое чаще всего

и упирается совершенная мысль... Достоевский показывает не обычный спектр очертаний, а ультрафиолетовые и ультракрасные лучи - за пределами обычного видения. Это математика высших категорий" /2 декабря 1974 года/.

Такому же творческому методу стремился следовать и сам Леонов, отмечая свое "конституциональное родство" с Достоевским.

Метафизическими параметрами отмечен уже самый процесс возникновения в творческом сознании Леонова мотивов, сюжетов, образов. Все совершается как прорыв, сигнал, как видение некоей метафизической - за гранью видимого - реальности. Так, писатель не раз делился тем, что появившиеся как бы помимо его творческой воли отдельные мотивы в ранних произведениях - как оказалось впоследствии - как раз и несли в себе энергию его будущих больших замыслов.

Например, не что иное как рассказ "Бубновый валет" (1922) с его героиней-девочкой, способной в странных ночных видениях переживать трепетные встречи с юношей, "бубновым валетом" из колоды гадальных карт, - именно эта ситуация спустя десятилетия развернется в один из центральных планов романа "Пирамида". Там появляется такая же юная героиня, с которой происходят странные вещи: Дуня способна видеть то, что не видят другие. Парадемия, как у Леонарда-да-Винчи, - цитирую мою беседу с Л. Леоновым 1974 года. - Она необычно чувствительна. Способна была испытывать странное ощущение, что постоянно с ней кто-то рядом... Чувствовала знойную сферу вокруг себя... Дуня уходит в иной, неизвестный мир. И возвращается обратно, к людям. Через Дуню материализуется образ Ангела." Как видим, движение видимых и невидимых миров приковывало к себе внимание художника. Именно в метафизических парениях героини, совершавшихся на церковной паперти, и произойдет встреча посланца неба с земной юдолью, а затем встреча с сатаной, с Антихристом. Об этом - роман "Пирамида".

В апреле 1980 года Л. Леонов говорил мне о том, что "кривизна" /так он выразился/, некая иррациональность финальной фразы повести "Петушихинский пролом" /1922/ не объяснима для него была и в 80-е годы: "Ты ли, ты ли, Алеша милый, волчьего стада безвестный поводырь?" Эта фраза возникла в подсознательном движении, "неожиданно, непонятно." "Но я ей никогда не изменю", - сказал Л. Леонов. Она явилась чуть ли не самой дорогой для писателя нотой в "Петушихинском проломе". Эти слова повести 1922 года и сегодня хранят предчувствие некоей большой тайны, неразгадываемой трагической судьбы.

Та же картина, как делился Л. Леонов, обнаруживается сегодня и со стихами о России, ворвавшимися словно из бездны, из небытия в повесть "Конец мелкого человека" /1922/:

В тот страшный вечер перестанут
 Слепые ветры гнать судьбу;
 Сберутся птицы и заглянут
 На возлежащую в гробу...

И, поднимаясь с грозным криком,
 Отчаянным, как в дни Суда,
 Они расскажут всем о диком
 Конце...

.....

И вновь, как встарь, ледник возляжет
 На ветровой твоей груди...
 Россия, - кто кому расскажет
 О том, что было позади?...

Л. Леонов поделился в одной из встреч мыслью о том, что не тогда, в начале 1920х, а только в начале 1990х он в полной мере осознал трагическую судьбу родины. И действительно, когда за несколько месяцев до кончины писателя мне выпало встретиться с ним, то первой фразой этой встречи были слова: "Россия лежит в обмороке, и мародеры шарят в ее карманах". Такова была переключка с иррациональными стихами "Конца мелкого человека".

Если следовать логике метафизического мышления писателя, то несколько иную интерпретацию может, видимо, получить и постоянная потребность Леонова возвращаться к прежним своим текстам, создавать новые редакции /у отдельных ключевых фрагментов романа "Вор", например, их насчитывается пять или шесть/. Наверно, не только и не столько цензурные обстоятельства диктовали эту работу ходожнику. К этой работе побуждал постоянно совершающийся в его метафизическом мире процесс перехода событий из невидимого, ирреального плана, находящегося за поверхностью явлений, - в мир видимых, реальных очертаний. Это и требовало дорисовки событий.

Интересными с этой точки зрения были незадолго до кончины раздумья Л. Леонова о финале романа "Барсуки". Писатель испытывал потребность раскрыть более глубокий метафизический план совершающегося в этом романе. Теперь финал "Барсуков" виделся таким /воспроизвожу запись встречи с писателем - март 1994 года/: "Семен сам пришел к Павлу в лес, готовый на расстрел. Босой, в одной рубахе, пришел по инею... Говорит: "Что же не берешь нас?.. Мать уже в церкви, ждет смерти..." Павел молча стал спускаться с опушки леса... уходить от брата... И вот здесь самая тонкая деталь /подчеркивал Л. Леонов/: Павел стал спускаться *спиной* к Семену... Сам себя подставлял под смерть. Хотел понести расплату от рук Семена... Расплату за содеянное. Но..." И здесь писатель намеревался

дать новую жизнь мифу о Каине, который был обречен на мучительное бессмертие за братоубийство. Так и Павел, взявший от имени революции право вести братоубийственное дело. И шире: имя Каина ложилось уже и на саму революцию. По православному верованию убиенному, ставшему жертвой, прощаются все содеянные им земные грехи. Автор "Барсуков" принимал решение: не отпускать кровавые грехи своему герою. Рука Семена не должна была пустить выстрел в спину брату... И тем самым освободить его душу от греха. Нет, Павел должен был получить каиново несмываемое наказание.

Так библейский миф, пройдя парсеки Вселенной, должен был ожить вновь.

Леоновское проникновение к способам существования мировой жизни удивляет тонкостью, поэтичностью и бесстрашием наблюдений.

Как философ исповедующий абсолютную всеобщую связь бытия / "все явления в мире едины"/, писатель стремился отыскать такие образы, которые бы запечатлели неизбежную и нередко жестокую беспощадность этих связей. Такова особенность реализма Леонова.

Еще в начале 70х годов Л. Леонов во время одной из бесед с ним рассказывал, волнуясь, о том, что в его новом романе / теперь мы знаем, что речь шла о "Пирамиде"/ найден один из особенно дорогих ему мотивов/ при этом на листе бумаге он сделал короткий рисунок/: "... кладбище, за ним пустырь, свалка, за всем этим сгрудились камни,... туда никто не ходит... а из - под камней течет кристально чистая речка... Но пить-то из нее нельзя! Это же кладбищенская вода, из-под свалки... Здесь на этих камнях, у этой красивой, но страшной воды и встречается Дуня с героем романа; положив ему голову на колени, она рассказывает о своих необыкновенных видениях".

В этой сцене сосредоточилось как бы все: и красота, и поэтичность, и жестокость бытия.

Испытывая благоговение и покорность перед океаном, перед бездной космической жизни, Леонов-мыслитель и художник оберегал сокровенную иерархичность самоорганизующейся жизни во Вселенной. Он не раз напоминал о "разной физике" явлений бытия: "Для каждого нашего чувства определена своя часть на магнитной планке / передаю его слова из беседы 21 ноября 1990 года/. Собака не различает цвета. Тройка лошадей перед оврагом встает на дыбы: лошадь *что-то* там видит... Муравьям не дано понять, кто над ними, когда я подкармливаю муравейник сладкой водой..." И молчаливо возникало продолжение размышлений писателя: так и человек знает только то, что ему дано знать...

В последние годы с особой настойчивостью - в продолжение именно своих метафизических воззрений, Леонов призывал осознать особую иерархическую ступень, на которой находится крестьянство.

В "грандиозном процессе самоорганизации жизни" /Н. Моисеев,

Вопросы философии, 1994, №4, с. 43/, - так называют земное бытие сегодня философы, - крестьянству, считал Леонов, определена уникальная роль. "Крестьянство всегда было органом нации, а не сословием, - не раз делился своими мыслями писатель. - Крестьянство - это голые, босые ноги... Как пианист рождает звуки тончайшими прикосновениями к клавишам, так крестьянин угадывал по воздуху, по прикосанию голой ступней к земле, - когда сеять хлеб, когда его убирать... Только через крестьянина нация соединена с землей". Через него она и включается во вселенский процесс самоорганизации жизни. После 1917 года "операцию на мозгу крестьянства, на мозгу нации произвели стамеской. Подрубили все корни, соединяющие нацию с землей... В ген вошла порочная идея..." /из беседы 1988 года/.

Леоновское восприятие метафизической парадигмы мира покоилось на неколебимом созерцании жизни. Вот почему, оценивая как глубоко трагическое нынешнее положение нации, он стремился отыскать защиту жизни именно в силах мироздания: "В природе есть такое ... есть не разгаданная тайна... Например, самоочищение рек... Так и с нашим народом... Сейчас все идет под откос. Но может вдруг начаться этот таинственный процесс самоочищения..." /из беседы 1991 года/.

В 1990 году довелось услышать и другое высказанное по этому поводу метафизическое, так сказать, размышление: "Природа в трудные моменты как бы втискивает в человека свои силы, чтобы спасти его. Тогда-то и появляются такие, как Савонарола..."

Затронутые в этой работе вопросы являются лишь началом разговора о мировидении Л. Леонова.

Творчество этого художника показывает, что прозрения, прорывы русской литературы советского периода к пониманию миропопорядка совершались в одно время с открытиями Циолковского, Вернадского и других выдающихся мыслителей XX в. Это подтверждает высокую роль литературы в осмыслении судеб Вселенского бытия.

Др Наталија Грознова

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ - ФАСЕТЕ ЛЕОНОВСКЕ МЕТАФИЗИКЕ

(Резиме)

Знајући да је Милосав Бабовић превео најзначајније романе Леонида Леонова, "Лопова" и "Руску шуму", низом радова тумачио проблематику, поетику и филозофију његовог стваралаштва, приредио издање сабраних дела на српском језику, ауторка прилога пише: "Данас се не може схватити самосвојност уметничког света Леонида Леонова без радова М. Бабовића... Јарка, темпераментна мисао, независност оцена, дубоко поимање свељудских духовних вредности и истовремено задивљујућа способност запажања особености словенске, руске душе - ови квалитети су већ шездесетих година увели М. Бабовића међу најзначајније научнике XX века. Радови Бабовићеви о руској књижевности - о Достојевском, Леонову, и другим писцима, необична су појава у историји науке о књижевности. Ма којом сфером противречног руског живота и драматичних заокрета руске књижевности се овај истраживач бавио, његово резонување и судови су увек убедљиви и самоуверени.

Ја добро знам са каквим дубоким поштовањем, са каквом срдачношћу је очекивао сусрете са Бабовићем један од највећих уметника нашег века - Леонид Леонов. Са узбудљивим интересовањем се односио према његовим радовима и ценио их изузетно високо.

Када је пре тридесет година у Београду било остварено издање сабраних дела Леонова у 12 томова, свима који су се бавили изучавањем његовог опуса постало је јасно да се Бабовић усудио да науци о стваралаштву Леонова да у много чему нов садржај. Посебно је била важна тада предложена интерпретација "Лопова" (имала сам прилике да о том дивном Бабовићевом раду пишем у часопису Академије наука, "Руска књижевност"). Сада када је стваралачки пут Леонида Леонова завршен, изгледају још важнија резонувања М. Бабовића о наслеђу Достојевског код Леонова, о доминантима Леоновљеве перцепције света, као што су релативитет постојећег, универзална конфликтност, феномен антрополошког фактора, алогичност понашања ликова, и др. Овде су биле уочене многе особености уметничког света Леонова, које су касније осветлиле глобалну космичку визију "васионског живота и човека у њему, у посмртно објављеном уметниковом роману "Пирамида" /1994/.

"Пирамида" је купола изнад свих реалија уметничког света које је Леонов стварао, евоцирао из историје, појмио из васионског бића и небића у току осамдесет година. Појам *метафизички* аутор прилога схвата у значењу *онтолошки*. Она тврди да је представа о

материји "најумнији" део човечанства на разне начине изопачавао и можда се једино књижевност смело дотицала бездани егзистенције. Искуство таквих дотицаја које је фиксирао Леонов је посебно значајан. Опсесијом поимања материје проткан је сав садржај његовог писања, све његове мисаоне и уметничке грађевине.

У ауторкиним сусретима са Леоновом, који су се низали у току четврт века, питања о егзистенцији, о структури космоса, стално су била присутна у пишчевим размишљањима, а последњих година постала наметљива и незаобилазна. Међутим, Леоновљева медитирања се ослањају на темељне идеје егзактних наука. Није случајно Леонов познати ботаничар; не привлаче случајно пажњу познатих научника физичара В. Болховитинова и Б. Раушенбаха његове космогонијске идеје прецизне физичке формуле, које мотивишу уметников суд: "Закони физике су непостојани. Макросвет живи и дише." Истраживања Леонова чудно кореспондирају са савременом филозофском мишљу.

Као уметник, Леонов је најдубље схватио поетику Достојевског. Проседе који не показује обичан спектар, већ ултравиолетне зраке, изнад руба обичног виђења ствари. То је математика највише категорије. И сам је тежио да следи његов стваралачки метод. Хероина "Пирамиде", Дуња, поседује моћ да види што други не виде, да се сели у "други свет" и да се враћа отуда. Контактима са Дуњом објективира се Анђео, најлудиднији лик романа, а можда и целог стваралаштва Леонова.

У завршном делу расправе ауторка моделом ретроспективне анализе открива у раним делима Леонова - приповеткама "Пуб каро", "Крај малог човека", у приповести "Петушихински пробој" и роману "Јазавци" зачетке уметникових метафизичких слутњи и провиђења коначно оваплоћених у "Пирамиди".